

© 2024. И. А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия: к проблеме жанра

Аннотация: Анализируется гоголевская апология смеха в «Театральном разезде после представления новой комедии» (1836–1842). Хрестоматийные слова Гоголя о том, что единственным «честным, благородным лицом» в «Ревизоре» является смех, рассматриваются в контексте авторского замысла. Пьеса о мнимом ревизоре предстает как слагаемое двух «ревизий»: с одной стороны, правительственной ревизии — хотя с очевидностью профанируемой по ходу пьесы, но с неизбежностью подразумеваемой ее финалом; с другой, — «ревизии» «пошлого» общества смехом. Писатель-сатирик и официальная власть, в равной степени выполняющие задачу преследования порока, представляют однопорядковые явления, одинаково служащие духовному оздоровлению общества. Картина, изображенная в пьесе, и сам жанр «Ревизора» определяются как «комедия-трагедия». Приводятся согласные мнения на этот счет гоголевских современников. Наряду с суждениями самого автора, обобщаются известные и малоизвестные отзывы о пьесе С. П. Шевырева, князя П. А. Вяземского, В. С. Межевича, К. С. Аксакова, В. Г. Белинского, К. П. Масальского, И. А. Ильина.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, «Ревизор», смех, трагизм, авторский замысел, интерпретация, духовное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 18.01.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.02.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2024

Для цитирования: Виноградов И. А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия: к проблеме жанра // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 74–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-74-101>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 74–101. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 74–101. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Igor A. Vinogradov

A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Gogol's "The Government Inspector" as a Comedy-Tragedy: On the Problem of Genre

Abstract: The article examines Gogol's apology for laughter in "Theatrical Travel After the Presentation of a New Comedy" (1836–1842). Gogol's paradigmatic words that the only "honest, noble face" in "The Government Inspector" is laughter are considered in the context of the author's intention. The play about the imaginary auditor appears as a component of two "revisions": on the one hand, government revision, although obviously profaned in the course of the play, but inevitably implied by its ending; on the other hand, an "audit" of a "vulgar" society through laughter. The satirist writer and the official authorities, who equally carry out the task of persecuting vice, represent one-order phenomena that equally serve the spiritual improvement of society. The opinions of Gogol's contemporaries regarding the definition of the picture depicted in the play and the genre of "The Government Inspector" itself as "comedy-tragedy" are in agreement. The article summarizes well-known and little-known reviews of the play by Stepan Shevryev, Prince Pyotr Vyazemsky, Vasily Mezhevich, Konstantin Aksakov, Vissarion Belinsky, Konstantin Masalsky, and Ivan Ilyin, along with the opinions of the author himself.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creativity, "The Government Inspector," laughter, tragedy, author's intention, interpretation, spiritual heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Received: January 18, 2024

Approved after reviewing: February 11, 2024

Published: March 25, 2024

For citation: Vinogradov, I. A. "Gogol's 'The Inspector General' as a Comedy-Tragedy: On the Problem of Genre." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024, pp. 74–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-74-101>

1. Гоголевская апология смеха: характер и осмысление

Апология смеха в гоголевском «Театральном разезде после представления новой комедии» (1836–1842) является, без преувеличения, хрестоматийной: «...Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в нем во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо был — смех» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 467].

Строки Гоголя хорошо известны; тема «Смех — благородное лицо» в комедии Гоголя «Ревизор» стала традиционной для школьных сочинений. Между тем в гоголевском объяснении не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Высказывание Гоголя многозначно, его толкование порождает множество мнений. При этом даже приблизительно не определено, что же подразумевал в оправдании смеха сам Гоголь.

Единственный, кто, на наш взгляд, с значительной степенью адекватности объяснил слова Гоголя, был его близкий друг Степан Петрович Шевырев (1806–1864), еще с юношеских лет наиболее уважаемый Гоголем поэт и критик. Свое объяснение Шевырев написал еще в 1851 г., примерно за год до смерти Гоголя (общение между Гоголем и Шевыревым продолжалось в течение многих лет, вплоть до последних дней писателя). Однако к давнему объяснению Шевырева никто, к сожалению, не прислушался — ни в XIX в., ни, тем более, в XX в. Как критик «консервативный», сторонник Православия, Самодержавия, Народности, Шевырев долгие годы был в России практически под запретом.

Важно процитировать фрагмент статьи Шевырева, где содержится его значимое разъяснение слов Гоголя о смехе. В большой статье, содержащей многосторонний анализ темы, с широким названием «Теория смешного с применением к Русской комедии», критик писал:

«Есть <...> весьма важный вопрос в теории комедии, относительно к действующим лицам: необходимы ли в ней бывают, рядом с порочными людьми, <...> люди нравственные, образцы совершенства?.. <...> Зритель начинает зевать, когда выходят перед ним Правдины и Милоны, и выжидает с нетерпением появления Скотинина, Митрофанушки и <...> Простаковой. <...> Гоголь, поняв ошибку Фон-Визина, возвел решение вопроса о лицах нравственных в комедии на степень теоретического положения. “Мне жаль, — говорит он в ответ своим обвинителям, которые не нашли ни одного честного лица в его комедии, — мне жаль, что никто не заметил честного лица... <...> Это честное, благородное лицо был — смех”» [Шевырев 1851b: 382–383].

«Прибавим, — пишет далее Шевырев (затрагивая самое важное), — это честное лицо воплощается в самом зрителе — чем искреннее, полнее, простодушнее <...> смех его, тем сильнее <...> в нем самом нравственное чувство — и <...> излишество <...>, чтобы это нравственное чувство, действующее <...> в <...> зрителе <...>, было воплощено в каком-нибудь <...> лице, которое из живого чувства <...> сделало бы нечто аллегорическое... <...> Смеясь над пороком, <...> вы тем самым внутренне сознаете уже высокое уважение к добродетели — и вам не нужно, из какого-то нерасчетливого лицемерия, оскорбляющего искренность комедии, выводить то уважение наружу, которое вы глубоко чувствуете внутри» [Шевырев 1851b: 383–384].

То есть, согласно Шевыреву (а, надо полагать, и Гоголю, поскольку Шевырев был его другом и, повторим, много лет с ним общался), «честный смех» — это пробуждение нравственного чувства, чувства уважения к добродетели в самом зрителе, — что происходит при восприятии комедии отторжением от противного, неприятием обличаемого. Через «смех», сатирическое обличение происходит утверждение добра в обществе. В этом — все оправдание Гоголем его сатиры. В выносимом зрителем из театра сознании, что люди всегда будут на стороне добра, что порок всегда будет порицаем, заключается, согласно Гоголю, великая утешающая и примиряющая сила смеха: «Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примиренье в душу. И тот, кто бы понес мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним, видя осмеянными низкие движенья души его» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 468].

Еще в 1839 г. в стихотворении, посвященном Гоголю, — «Что ж дремлешь ты?» — Шевырев, сравнивая «Ревизора» с комедиями Карло Гольдони, прямо призывал приятеля обратиться вновь к «чистому» обличительному смеху:

«Что ж дремлешь ты? — Смотри перед тобой
Лежит и ждет сценическая маска. <...>
Ее — взглядись... <...> носил Гольдони. <...>
Он смело выражал черты народа
Смешные, всюду подбирая их, <...>
И через чистый смех в сердца граждан
Вливалось истины добро святое!
Ты на Руси уж начал тот же подвиг! <...>
Что ж задремал? — Смотри, перед тобой
Лежит и ждет сценическая маска...
Надень ее — и долго не снимай,
И новый пир, пир Талии задай,
Чтобы на нем весь мир захохотал,
Чтобы порок от маски задрожал...» [Шевырев 1842а: 16–17].

Мысль Шевырева, на первый взгляд, проста: осмеяние порока несет миру «добро великое», «добро святое» [Шевырев 1842а: 17]. Тем не менее, несмотря на почти двухвековую, широкую известность «Театрального разъезда...», часто цитируемые слова Гоголя о смехе как «честном, благородном лице» его пьесы до конца так и остались не понятыми читателями. Виной тому — долгое преобладание радикально-политических интерпретаций гоголевского наследия. Поставленная Гоголем задача очищения нравов под пером В. Г. Белинского и его последователей превращалась в социальную нетерпимость и разъедающую вражду. Для постижения мысли самого Гоголя необходимо обозначить характер авторского понимания создателем «Ревизора» обличительного слова.

Гоголь так объяснял действенную — «благородную» и воспитывающую — «проповедническую» силу сатирического смеха. В одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847), адресованной «русскому помещику», он писал:

«Мужика не бей. <...> Но умей пронять его хорошенько словом... <...> Держи у себя в запасе все синонимы <...> для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница есть <...> дрянь. Выкопай слово еще похуже, словом — назови всем, чем только не хочет быть русский человек» [Гоголь 2009–2010. 6: 112]; «Ругни его при всем народе, но так, чтобы тут же *обсмеял* его весь народ; это будет для него в несколько раз полезней всяких подзатыльников и зуботычин» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 112].

По поводу одного из «дворянских» недостатков — родовой кичливости — Гоголь в статье «Занимающему важное место» тоже замечал:

«В нашем дворянстве нет гордости какими-нибудь преимуществами своего сословия, <...> может быть, только изредка похвастается кто-нибудь своим предком, и то таким, который сослужил истинно верную службу царю и земле своей; а похвастайся он плохим предком, на него выпустят тут же *эпиграмму* его же собратья дворяне» (курсив мой — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 147].

Другими словами, «ругнуть» провинившегося, обличить его «эпиграммой», отнюдь не подразумевает, по Гоголю, радикального стремления стереть его с лица земли — как это получалось у продолжателей Белинского в XX в. Сатира направлена не на уничтожение, а на исправление человека. «Ругнуть» сельского «лентяя и пьяницу» — или петербургского праздного чиновника Поприщина, возмнившего себя «испанским королем» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 171], — следует так, чтобы, согласно реплике одного из героев «Женитьбы», получился «просто старый бабий башмак, а не человек, насмешка над человеком, сатира на человека» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 360].

«Сват» Кочкарев говорит в «Женитьбе» про неподъемного увальня Подколесина: «Эдакой мерзавец! Какая противная подлая рожка! Взял бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя в нос, в уши, в зубы — во всякое место!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 358]. Герой, стремясь «пронять» приятеля «хорошенько словом», называет его «свиной», «подлецом», «дураком», «тряпкой», «деревянной башкой»,

«байбаком»¹; обзывает «бревном», «олухом», «колпаком» — добавляет: «...Сказал бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 323].

«Я не нанес никакой обиды, назвал только именем, каким следует...», — оправдывается, в свою очередь, в «Женитьбе» по поводу собственных оскорбительных слов (а именно, сравнения «жениха» Жевакина со «старым трухлым <...> кочаном капусты») «эксекUTOR» Яичница [Гоголь 1949: 258].

Прозвища «гусак», «тюлень», «фетюк», «протухлый кочан», какими герои «Женитьбы», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и других произведений Гоголя «награждают» друг друга, нанося собеседникам «смертельные обиды», а также прозвища, которыми «бьет», ругая Подколесина, Кочкарев, прямо относятся к тем словам «похуже», какие писатель считал нужным применить при обличении недостойного.

В «Мертвых душах», рассуждая по поводу столь же «неприличного» прозвища, данного проходящим мужиком «скряге Плюшкину» («А, заплатанной, заплатанной!» <...> Было им прибавлено и существительное к слову “заплатанной”, очень удачное, но неупотребительное...» [Гоголь 2009–2010. 5: 106]), — Гоголь писал: «...Выражено было очень метко, <...> Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду <...> все еще усмехался... <...> Выражается сильно российский народ! <...> не лезет за словом в карман, <...> а вlepливает сразу, как пашпорт на вечную носку, <...> одной чертой обрисован ты с ног до головы!» [Гоголь 2009–2010. 5: 106].

С этими же размышлениями связаны многочисленные пословицы и поговорки, рассыпанные в гоголевских произведениях. Так, большое число «попрекающих» острым словцом пословиц содержится в разных редакциях той же «Женитьбы»: «...С которых сторон понабирала ворон?» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 333]; «...Гости-то не щитанные, кафтаны общипанные» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 333]; «Гляди налет на свой полет» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 333]; «...Шапка в рубль, а щи без круп» [Гоголь

¹ Байбак — сурок (см.: [Боплан: 159]). Прозвище «мотивировано» тем, что зимний сон сурка продолжается более полугодом, с октября по апрель. С книгой Г. де Боплана «Описание Украйны» (СПб., 1832), откуда Гоголь почерпнул это слово, он познакомился в период с лета 1832 по начало 1833 г. См.: [Виноградов 2017. 2: 176–177].

2009–2010. 3/4: 333]; «На голую ногу всякий башмак впору» [Гоголь 1949: 329], «...Ступай Варвара на расправу» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 347]; «...Пес врет» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 316]; «Знай сверчок свой шесток...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 316]; и др.

Кроме «заплатанного» Плюшкина «полубранными» и «бранными» пословицами и поговорками очерчиваются в «Мертвых душах», «с ног до головы», и другие герои: Манилов — «ни то, ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» [Гоголь 2009–2010. 5: 24]; Собакевич — «неладно скроен, да крепко шит» [Гоголь 2009–2010. 5: 103]; заседатель Дробяжкин — «блудлив, как кошка» [Гоголь 2009–2010. 5: 188]. Помещик Мижухев характеризуется даже двумя изречениями: он причисляется к людям, которые «никогда <...> не согласятся плясать по чужой дудке; а кончится всегда тем, что <...> пойдут потом поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку, — словом, начнут гладью, а кончат гадью» [Гоголь 2009–2010. 5: 68]¹. Невозможность получить правду от «поэта»-сплетника Ноздрева выражает пословица: «Как с быком не биться, а все молока от него не добиться» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 202].

Приведенные обличительные «крылатые» выражения и реплики непосредственно иллюстрируются словами самого Гоголя в его позднейшей статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Говоря о народных пословицах как об одной из отличительных составляющих «самородного ключа» русской поэзии, Гоголь подчеркивал здесь «сатирическое» — духовно-критическое начало народного слова:

«...В пословицах наших <...> видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображенья, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое. <...> Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выраженья, в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек — словом, все шевелящее и задирающее за живое» [Гоголь 2009–2010. 6: 155, 179].

¹ См.: [Воропаев].

Характеризуя далее «поэзию сатирическую», Гоголь добавлял:

«У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительней, часто там, где видимо страдает душа и не расположена вовсе к веселости» [Гоголь 2009–2010. 6: 182].

Важно было для Гоголя и то, что признанный занаток и носитель народных пословиц И.А. Крылов начинал свою литературный путь как сатирик — и оставался сатириком в своих знаменитых баснях:

«Эта наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц... <...> ...Его занимали вопросы важные. <...> От Крылова вдруг можно перейти к другой стороне нашей поэзии — поэзии сатирической» [Гоголь 2009–2010. 6: 178, 181–182].

Следует при этом иметь в виду, что предметом обличения Гоголя — во всей совокупности употребляемых «насмешек», «издевок», иронии, сатиры, «бранных», «попрекающих» и «оскорбляющих» слов — был не сам человек, т. е. не «личность» как таковая¹, а присущие каждому человеку пороки. Гоголь, подразумевая радикальные воззрения Белинского, неоднократно подчеркивал, что «враждовать» следует не с людьми, а с их «болезнями» [Гоголь 2009–2010. 6: 98], употреблять «гнев против врага людей, а не против самих людей» [Гоголь 2009–2010. 13: 85]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь обращался к Н. М. Языкову: «На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви! Гнева — противу того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» [Гоголь 2009–2010. 6: 70]².

Другими словами, «законным» предметом смеха и обличения является в образах неидеальных гоголевских героев не сам грешный чело-

¹ Нападки на «личность» возбранялись, помимо прочего, цензурными правилами [Виноградов 2021: 488, 506–507].

² Статьи Гоголя «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844) [Гоголь 2009–2010. 6: 70], «Что такое губернаторша» (1846) [Гоголь 2009–2010. 6: 98]; письма к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. [Гоголь 2009–2010. 13: 85], к князю П. А. Вяземскому от 11–12 июня (н. ст.) 1847 г. [Гоголь 2009–2010. 13: 296].

век, а непосредственный источник зла — демонический мир. В этом Гоголь следовал словам св. апостола Павла в Послании к Ефесеянам: «...Наша брань не против крови и плоти (т. е. не против человека. — И. В.), но <...> против духов злобы поднебесных», против «князя, господствующего в воздухе» (гл. 6, ст. 12; гл. 2, ст. 2).

Целые сонмища «поднебесных» духов Гоголь изобразил ранее в «Ночи перед Рождеством» (1832) — в описании «путешествий» нечистого в небе над Диканькой и полета кузнеца Вакулы на бесе в Петербург. Пафос последующего творчества писателя тоже был направлен не против политического устройства общества, но, по словам рассказчика «Невского проспекта» (1835), против «адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни», «демона», который «искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 18–19].

Незадолго до создания «Ревизора» Гоголь обращался к А. С. Пушкину: «Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее чорта» [Гоголь 2009–2010. 11: 33].

Спустя несколько лет, 22 марта / 3 апреля 1847 г., тот же Шевырев писал Гоголю:

«Твой комический талант <...> нужен в нашей России <...> именно против того врага, с которым ты борешься. <...> ...Ты мог бы <...> всю силу смеха, которым ты одарен, обратить на самого дьявола. <...> Смейся, смейся над дьяволом: смехом твоим ты докажешь, что он неразумен. Ведь в самом деле, все глупости людей от него. Показывай же людям, как он их путает, как они от него глупеют, мелеют, как и великое он у них отнимает! <...> ...Не одна Россия, но весь мир может войти в твою комедию» [Гоголь 2009–2010. 14: 211].

Ранее, в 1841 г., в статье об О. де Бальзаке («Парижские эскизы. Визит Бальзаку») Шевырев тоже замечал: «Владей Бальзак, при своем глубоком знании нравов и современной жизни, звонким бичом Сатиры — <...> этот бич в его руке превратился бы <...> в скипетр современной, не только Французской, но и Европейской словесности. Европа ждет сатирика, единственно возможного поэта в наше время: в своей холодной апатии она бессильна породить его» [Шевырев 1841b: 362–363].

В другой статье 1841 г. — «Взгляд Русского на современное образование Европы» — Шевырев прямо называл в связи с этим имя Гоголя. Характеризуя еще одного европейского писателя, Ч. Диккенса, Шевырев писал: «Необходимо было сатирою заклеить этот пошлый мир, и Дик<к>енс отвечает на потребность времени. У нас могли бы явиться подражатели Дик<к>енсу, если бы в этом случае Россия не опередила Англии. Дик<к>енс много имеет сходства с Гоголем... <...> Жаль, что сатира нашего юмориста не заберет в свое ведомство общества наших промышленников, как она забрала уже общество чиновников» [Шевырев 1841а: 237–238].

Следует подчеркнуть, что Шевырев, ожидая от Гоголя в последующих томах «Мертвых душ» «изображения высокой и прекрасной стороны жизни» [Шевырев 1848: 10], тем не менее был вполне согласен с критическим пафосом первого тома. Профессор словесности И. С. Некрасов (1836–1895) свидетельствовал: «У меня был в руках тот экземпляр, по которому в первый раз прочел “Мертвые души” Шевырев. Экземпляр весь испещрен был знаками восклицания и словами одобрения, но не было ни одного критического замечания» [Некрасов: 34]¹.

В написанной вскоре статье о «Мертвых душах» Шевырев критические замечания в адрес Гоголя все-таки высказал: «...Комический юмор Автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме. Это особенно ясно в тех ярких заметах о Русском быте и Русском человеке, которыми усеяна Поэма. По большей части мы видим в них одну отрицательную, смешную сторону, полобхвата, а не весь обхват Русского мира» [Шевырев 1842b: 366]. В 1843 г. Шевырев замечал, что «произведение Гоголя» «берет покамест действительность Русскую одною ее изнанкою»: «Да, мы скажем даже не для того только, чтобы умолкли все неистовые клики, но для полноты впечатления, принятого Россиею, настает крайняя необходимость во второй обещанной Поэтом половине, которая, по слову его, должна раскрыть самые высокие движения Русского духа» [Шевырев 1843: 284–285].

Тем не менее спустя еще двадцать лет Шевырев продолжал придерживаться тех же взглядов на гоголевское творчество, которые развивал ранее, в 1851 г., в статье «Теория смешного...». На лекциях в Париже

¹ Об одобрении С. П. Шевыревым сатиры Гоголя см. также: [Виноградов 2022: 129].

в 1862 г. он вновь отметил, что Гоголь разумно избежал ходульных изображений «добродетели»¹.

На многократные призывы Шевырева к Гоголю не отказываться от обличающего смеха — содержащиеся в цитированном стихотворении «Что ж дремлешь ты?» 1839 г. ([Шевырев 1842a]), в двух статьях 1841 г. [Шевырев 1841a, 1841b], в упомянутом письме к Гоголю 1847 г. [Гоголь 2009–2010. 14: 211], — Гоголь 27 апреля (н. ст.) 1847 г. отвечал: «Слова твои о том, как чорта выставить дураком, совершенно попали в такт с моими мыслями. Уже с давних пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чортом» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 14: 246].

¹ При этом Шевырев дополнительно указал на чрезвычайно важное в гоголевской концепции сатиры значение относительно «Ревизора» «Театрального разезда...» (с развернутой в нем апологией смеха). В соотношении «Ревизора» и «Театрального разезда...» Шевырев усматривал сходство с характерным признаком древнегреческой комедии: сочетанием в ней самого действия пьесы и сопровождающего прямого обращения актера или автора к публике в так называемом «парабасисе». В статье Шевырева «Теория смешного...» 1851 г. этого наблюдения еще не было. В парижских лекциях он подчеркивал: «...Лица нравственно-совершенные, выводимые в противоположность порочным, <...> представляют большой недостаток в художественном создании, <...> автор нисколько не достигает той нравственной цели, какую имел в виду при их изображении. <...> Зритель зевает от скуки при появлении их и с нетерпением ждет <...> выхода на сцену лиц порочных, заставляющих его от души смеяться. Идеал добра тускнеет в этих холодных и мертвых изображениях добродетели; он ярче выступает в душе, когда она художественным простодушным смехом озаряет все неразумное жизни. <...> В комедиях древних, как в Аристофановых, поэт выражал себя и свое общество в так называемом парабазе (παράβασις). Греки <...> сознавали необходимость дополнять стихию смешного, комического открытым разумным сознанием того идеала общественного добра, который искажался в пороках и недостатках общества. В парабазе он восстанавливался, и поэт от смеха переходил к серьезным думам и даже к слезам. Французская комедия <...> не поняла этого высокого стремления комедии греческой. Она заменила парабаз холодными резонерами, которые наводили скуку на зрителей. Фонвизин, к сожалению, последовал примеру французских комиков... <...> Гоголь, как истинный и полный художник, отверг <...> стихию резонерства; но по требованию общественно-нравственного чувства, столь сродного комику, создал к своему Ревизору отдельный парабаз в Театральном разезде» [Шевырев 1884: 242, 247–248].

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал о героях своей поэмы: «Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, все пошрое и гадкое, которое они захватили нечаянно, и возвратить законным их владельцам» [Гоголь 2009–2010. 6: 83]. Упомянутые здесь «законные владельцы» «пошлого и гадкого» — это, несомненно, те «духи злобы поднебесные», о которых говорит св. апостол Павел в Послании к Ефессянам.

Таким образом, в своих сатирических произведениях Гоголь наглядно показывает, как невидимые пагубные духи управляют человеком, сообщая поработленным свои неприглядные черты — делая их трагически смешными, нелепо гибнущими. Младший современник писателя Д. К. Малиновский вспоминал:

«Скажите, Н^{иколай} В^{асильевич}, — спрашивал я, — как так мастерски, рельефно и живо умеете вы представлять всякую пошлость». Легкая улыбка показалась на его лице и после короткого молчания он <...> сказал: «Я представляю себе, что чорт большею частию так к человеку близок, что без церемонии его оседлывает, и шпорит куда хочет, заставляя его делать дурачества за дурачествами» [Гоголь в воспоминаниях... 3: 679].

Имея в виду рабство «пошлого» человека страстям и демонам, Гоголь в статье «Нужно любить Россию» подытоживал:

«Уже крики на бесчинства, неправды и взятки — не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли, слышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать...» [Гоголь 2009–2010. 6: 88–89].

Эти же мысли Гоголь повторял в «Развязке Ревизора»:

«Лучше <...> сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, <...> да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, <...> в котором бесчинствуют наши страсти... <...>. Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый Государь

о своем государстве! Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 493–494].

«И бич в руках, <...> которым можно выгнать их, — продолжал Гоголь. — Смехом, мои благородные соотечественники! Смехом...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 499, 494].

Апология «честного и благородного лица» — смеха, который преследует низкое и недостойное в людях — как им не принадлежащее, — является, таким образом, результатом давних размышлений Гоголя о самом призвании сатирика. Слова о «благородном» «действующем лице» смехе не есть какая-то случайная полемическая обмолвка раздраженного драматурга в ответ на обвинения недоброжелателей, будто в его комедии нет ничего положительного. Строки «Театрального разъезда...» являются отражением выношенного убеждения писателя в том, что в борьбе с недостойными явлениями среди литературных «орудий» смех является средством наиболее действенным и результативным.

2. Серьезное значение смеха

Кроме С. П. Шевырева к пониманию собственно авторского замысла «Ревизора» был близок также князь П. А. Вяземский, который сразу после премьеры комедии в частном письме к А. И. Тургеневу замечал, что «честный человек в пьесе», — это само «правительство, разрешившее представление», — потому что этим оно честно признало существование административных «злоупотреблений», стремится подавить их, внушить к ним «отвращение, выставляя их на позор и осмеяние на сцене» (письмо от 8 мая 1836 г. [Гоголь в воспоминаниях... 1: 846]). Эту мысль Вяземский повторил и в публичной статье о «Ревизоре», появившейся в 1836 г. в «Современнике» А. С. Пушкина: «Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного честного и благомыслящего лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое силою закона поражая злоупотребления, позволяет и таланту исправлять их оружием насмешки» [Вяземский 1836: 309].

Согласно этим строкам, в честном смехе Вяземский и Гоголь видели честное лицо самого правительства, т. е. государя Николая Павловича, борющегося с недостатками подданных. Вяземский подчеркивал, что

эта идея заключается в самом названии гоголевской пьесы — *Ревизор* [Гоголь в воспоминаниях... 1: 846]. Государственная ревизия прямо подразумевает правительственное преследование недостойных явлений. В этом свете «Ревизор» — сатира непосредственно «государственная», в духе сатирических произведений Екатерины II. Именно так Вяземский и отзывался о писательнице-императрице: «Кистью Ее водило всегда патриотическое чувство; осмеивая пороки и дурачества, Она забавлялась и поучала...» [Вяземский 1833: 222].

Вяземский, Гоголь, Шевырев, подчеркивавшие важное общественное значение «Ревизора», указывавшие в нем на «честное лицо» смеха и правительства, были в таком толковании не одиноки. Увидеть в полной мере эту важную составляющую гоголевской комедии («погребенную» впоследствии под господствовавшими радикальными интерпретациями) сумел и другой современник писателя — тогдашний литератор и критик, редактор журнала «Московский Наблюдатель» Василий Петрович Андросов (1803–1841). В год премьеры «Ревизора» Андросов писал: «...Если, возбуждая смех, комик в этом смехе готовит или казнь или угрозу для какого-нибудь постыдного свойства нашей природы, то этот смех имеет всю *святость добродетели*, все достоинство нравоучения, всю заслугу *добра*» (курсив мой. — *И. В.*) [Андросов: 121]. Это — созвучное авторскому — толкование Андросовым гоголевской комедии очень близко к суждениям Вяземского, Шевырева и самого Гоголя о честном лице смеха и правительства в «Ревизоре».

3. Смех и трагизм: суждения современников

Приведенные высказывания критиков — знакомых и друзей Гоголя — необходимо вводить в научный оборот, внедрять в образовательный процесс. Как при научном осмыслении, так и при школьном преподавании самое пристальное внимание следует обратить на еще одно немаловажное обстоятельство, имеющее отношение к замыслу «Ревизора». Как ощутили на себе уже первые зрители, гоголевская комедия, заслужившая всеобщее признание, содержит в себе не только смех, но и глубокий трагизм. Эту черту «Ревизора» зрители и читатели подметили сами, независимо от последующих толкований и «подсказок» автора. Гоголь писал об этом свойстве пьесы позднее.

Хотя Гоголь и назвал «Ревизора», в полном соответствии с его содержанием, комедией, однако признаваемый всеми тревожный под-

текст пьесы, а тем более ее трагический финал, несомненно, отличают гоголевское обличение от традиционного жанра комедии. Это ставит вопрос об особом характере гоголевского комизма, присущего не только «Ревизору», но и другим сатирическим произведениям Гоголя.

Важно обратить внимание на отзывы гоголевских современников об еще одной его комедии — «Игроки». Актер М. С. Щепкин, игравший в этой пьесе роль мошенника Утешительного, свидетельствовал: «“Игроков” <...> слушают в Москве как самую ужасную, потрясающую драму, все принимают глубокое участие в молодом человеке, на котором покоится благословение и любовь отца и который гибнет среди плутов, и неожиданная развязка поражает неизъяснимо» [Виноградов 2018. 4: 386].

Писатель Н. Ф. Павлов, сам азартный карточный игрок, прямо называл «Игроков» «трагедией». С. Т. Аксаков в письме к Гоголю сообщал: «Вчера был у меня Павлов, который, несмотря на больные глаза, приезжал в театр»; он «был поражен “Игроками” и, сидя подле меня, говорил, что это — трагедия» [Гоголь 2009–2010. 12: 182].

По наблюдению В. И. Шенрока, гоголевского биографа, «осуждение Павловым “Игроков” — за то, что эта пьеса вовсе не комедия, а трагедия», — а также мнение того же Павлова, что «Игроков» печатать и ставить «не следовало», было использовано позднее Гоголем в «Развязке Ревизора» [Шенрок: 102]. Гоголь отнес там слова Павлова уже не к «Игрокам», а именно к «Ревизору». Гоголь вложил в «Развязке...» в уста героя, Петра Петровича, восклицание: «Разберемте-ка сурьезно эту комедию... <...> Признаюсь <...> на меня ни одна трагедия не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 490].

Еще один известный современник Гоголя, — а это, опять-таки, князь Вяземский, — год спустя после премьеры «Ревизора», в 1837 г., в одной из глав своей книги о Фонвизине, писал:

«...Утверждаю, что в содержании комедии “Недоросль” и в лице Простаковой скрываются все пружины, все лютые страсти, нужные для соображений трагических — разумеется, что трагедия будет не по Греческой или по Французской классической выкройке, — но не менее того развязка ее может быть трагическая. Как “Тартюф” Мольера стоит на меже трагедии и комедии, так и Простакова... <...> Я знаю у нас только одну комедию, ко-

торая напоминает комические соображения и производство Фон-Визина: это — “Горе от ума”» [Вяземский 1837: 58, 67–68].

В 1847 г. Вяземский, наконец, прямо повторил это, характеризуя «насмешливость» Гоголя:

«...Смешное, то есть безобразное, не всегда возбуждает в Гоголе чистую веселость. <...> Часто в насмешливости его отзывается горечь и глубокая скорбь. Посмотрите на многие карикатуры его: смешно и больно. <...> Это почти трагические карикатуры» [Вяземский 1847: 418].

Как явствует из письма Гоголя к Вяземскому 1842 г., «почти половину всего» сочинения Вяземского о Фонвизине он прочел тогда в рукописи (см.: [Гоголь 2009–2010. 12: 124]). Труд Вяземского вызвал одобрение Гоголя. Именно приведенную характеристику Вяземского комедий Фонвизина и Грибоедова как произведений «трагического» содержания Гоголь имел в виду, когда в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» упоминал о том, что «комедии Фонвизина “Недоросль” и Грибоедова “Горе от ума” <...> весьма остроумно назвал князь Вяземский двумя современными трагедиями»: «В них уже не легкие насмешки над смешными сторонами общества, но раны и болезни нашего общества, тяжелые злоупотребленья внутренние, которые беспощадной силой иронии выставлены в очевидности потрясающей» [Гоголь 2009–2010. 6: 183].

Очевидно, что и в своих комических пьесах — в «Ревизоре», «Игроках», «Женитьбе» — Гоголь тоже видел не просто комедии, но «комедии-трагедии».

В суждениях о «Ревизоре» и комедиях Фонвизина как трагедиях, а также об «Игроках» как «ужасной драме», Вяземский, Щепкин, писатель-игрок Павлов тоже были не одиноки. Прямо применительно к «Ревизору» об этом писал в 1839 г. еще один тогдашний литературный критик, Василий Степанович Межевич (1814–1849) (один из немногих литераторов, открыто поддержавших в 1830-х гг. начинания Уварова по укреплению Православия, Самодержавия, Народности). Межевич указывал: «От комедии до драмы и трагедии, как от великого до смешного, только один шаг... <...> Разве комедия не выжимала у вас слез, — хотя бы “Горе от ума”, например, или “Свадьба Фигаро”; — не исторгала

из души вашей глубокого вздоха, отзывающегося грустью — хоть бы “Ревизор”? А как пораздумаешься в иной раз, право не шутя спрашиваешь и самого себя и готов спросить других: “да почему ж «Ревизор» — комедия? Почему это не драма, ко крайней мере?”» [Межевич: 17–18].

Один из недоброжелателей Гоголя, писатель и критик К. П. Масальский в 1842 г. замечал по поводу авторского определения жанра «Мертвых душ»: «Мы не понимаем, почему *Мертвые души* названы поэмой. <...> Если *Похождения Чичикова* поэма, то мы не видим препятствия назвать *Ревизора* трагедией в пяти действиях» [Масальский: 5]. (Проникнутое иронией замечание Масальского на деле оказывалось недалеко от истины.)

После Вяземского и Межевича трагизм «Ревизора» по-своему истолковывал даже Белинский, — обращая, конечно, всё на свой радикально-политический лад — ища, вопреки настояниям Гоголя, «нравоченья для *других*, а не для себя» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 498]. Белинский, по-видимому, прямо подразумевал суждения Межевича — с которым был близко знаком, и, вероятно, Вяземского — которого всегда читал и с которым постоянно полемизировал. Однако по поводу того, что «Ревизор» — это трагедия, Белинский и с Межевичем, и с Вяземским был согласен. На этот счет Белинский высказывался по крайней мере четырежды. В 1840 г. он писал: «...Из комедии <Гоголя> могла бы выйти трагедия...» [Белинский 3: 468]. В 1842 г. повторял: «Комедия Гоголя “Ревизор” стоит всякой трагедии» [Белинский 5: 567]. В 1844 г. критик еще раз подчеркивал: «...Разделение театральных пьес на трагедии и комедии в том смысле, как вы его понимаете, ложно. “Ревизор” Гоголя столько же трагедия, сколько и комедия» [Белинский 7: 416]. Три года спустя Белинский писал о Гоголе К. Д. Кавелину: «Вы не совсем правы, видя в нем *только* комика. Его “Бульба” и разные отдельные черты, рассеянные в его сочинениях, доказывают, что он столько же трагик, сколько и комик, но что отдельно тем или другим он редко бывает в отдельном произведении, но чаще всего слитно тем и другим. Комизм — слово узкое для выражения гоголевского таланта» (письмо от 7 декабря 1847 г. [Белинский 12: 461]).

О том, что со смехом не все так просто, что в комизме заключен порой глубокий трагизм, современники почувствовали, по-видимому, именно благодаря гоголевской пьесе. Идея, как говорится, витала в воздухе. Опять-таки Шевырев в конце 1840 г., т. е. еще до выхода

в свет первого тома «Мертвых душ» (где в седьмой главе содержатся знаменитые слова Гоголя о «видном миру смехе и незримых, неведомых ему слезах» [Гоголь 2009–2010. 5: 130]), характеризовал современный «трагический водевиль Франции» как «смеющийся сквозь слезы и плачущий сквозь смех» [Шевырев 1841а: 266]. — Переключка с гоголевскими размышлениями здесь настолько очевидна, что возникает даже вопрос, не являются ли слова Шевырева о «смеющемся» и «плачущем» «трагическом водевиле Франции» отражением тогдашних бесед с Гоголем? Именно в тот период Шевырев посвятил Гоголю упомянутое стихотворение о «чистом смехе», с помощью которого в «сердца граждан» вливается «истины добро святое» [Шевырев 1842а: 17].

Константин Аксаков в конце 1840-х гг. тоже указывал, что «наша комическая поэзия имеет в себе много трагического»: «...В нашей литературе восторг часто смешон, а смех серьезен. Этот серьезный, трагический смех слышится в Фонвизине, в Капнисте, в Грибоедове, в Гоголе» [Кошелев: 90; Виноградов 2018. 5: 223].

4. Комедия-трагедия

Обратимся еще раз к объяснению С. П. Шевыревым слов Гоголя о смехе как единственном «честном, благородном лице» в «Ревизоре». Шевырев писал, что эти слова указывают на представление о смехе как пробудителе нравственного чувства в зрителе, через отторжение от обличаемого.

По-видимому, это шевыревское определение отражает не только личное мнение о характере гоголевского смеха, но и общие размышления на этот счет современников. К примеру, те же представления были свойственны, вместе с Шевыревым и Аксаковым, их приятелю А. С. Хомякову. Последний писал о «законности» гоголевских обличений «беззаконных», чуждых жизни явлений [Хомяков: 189–191]. И К. Аксаков отмечал, что в гоголевской «трагической» сатире это начало «естественно», поскольку направлено против «ложного» в общественном быту [Кошелев: 90]. Попросту говоря, согласно высказываниям Хомякова, Аксакова и Шевырева, реакция на неестественное является естественной. «...Чем полнее, чем ярче представляет нам комедия неразумную сторону существа нашего, тем сильнее в сознании нашем возбуждает идею разумного существа — Богом определенного бытия нашего» — писал Шевырев [Шевырев 1851а: 119].

Вполне разделяя эти представления, Гоголь в «Развязке Ревизора» устами главного героя тоже говорил: «Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества? <...> Нет, <...> речь <...> о том, чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не кончилась бы такой *трагедией*, какую <...> кончилась эта *комедия*...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 492].

Итак, комедия-трагедия. С новейшим жанром трагикомедии гоголевская «комедия-трагедия» перекликается только в слове. Непременно благополучная концовка трагикомедии и развязка «Ревизора» — вещи прямо противоположные. Герой гоголевской «Развязки...» делится своими впечатлениями: «Несмотря на <...> комическое <...> положение многих лиц, <...> в итоге остается <...> что-то чудовищно мрачное, какой-то страх от беспорядков наших. Самое это появление жандарма, который, точно какой-то палач, является в дверях, <...> все это как-то необъяснимо страшно!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 490].

Конечно, не новая ревизия для провинциальных чиновников ужасает зрителя, но «примененье к самому себе» [Гоголь 2009–2010. 14: 12] — тревожная мысль об ожидающем каждого Высшем Суде и расплате. «...Показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнью, как игрушкой, что жизнь — не игрушка» (как писал Гоголь протоиерею Матфею Константиновскому [Гоголь 2009–2010. 15: 318]) — эту мысль писатель и воплотил в «Ревизоре».

Нужно напомнить, что одним из важнейших признаков различения жанров комедии и трагедии в древности было участие «богов» — они являлись *только* в трагедии. Финал гоголевского «Ревизора» — это именно появление Бога в комедии. Важный *дифференцирующий* признак древней трагедии оказывается, таким образом — в случае с «Ревизором» — присущ и комедии — в новом ее воплощении. Диалог на эту тему Гоголь разворачивает между героями «Театрального разъезда...»:

«Но смешно то, что пьеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних. <...> Что ж? тут нет ничего дурного, дай Бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призыванье свое быть представителем Провиденья на земле и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступленья» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 444].

Очевидно, с этой мыслью «Ревизор» и создавался. Тот же Вяземский год спустя после премьеры гоголевской пьесы писал: «В наших комедиях начальство часто занимает место рока (*fatum'a*) в древних трагедиях...» [Вяземский 1837: 64].

Проницательным был, как всегда, Шевырев — оклеветанный, кстати сказать, в 1842 г. Белинским, будто в год выхода «Ревизора» он отказался писать о гоголевской пьесе, находя ее «грязным произведением» (см. подробнее: [Виноградов 2021: 72–75, 288–289]). — На самом деле Шевырев на протяжении многих лет (от самого выхода комедии до конца жизни) полностью разделял суждения о «Ревизоре» Вяземского. Судя по всему, Шевырев не хотел повторять без повода того, что до него уже было отчетливо сформулировано и высказано Вяземским. По оценке последующего исследователя, литературоведа Н. А. Котляревского, Вяземский сказал о «Ревизоре» немало; его слова относятся к разряду «самого умного, что было сказано тогда о «Ревизоре»» [Котляревский: 286].

Лишь спустя несколько лет, в 1850-х — начале 1860-х гг., Шевырев решился, наконец, повторить наблюдения Вяземского и тем самым поддержать его (и самого Гоголя). По поводу характерного признака трагедии — «фатума», — присущего, с очевидностью, как композиционный и сюжетообразующий прием, гоголевской комедии, — Шевырев, говоря о заключительной сцене «Ревизора», писал: «Появление правительства в конце российских комедий <...> является *Deus ex machina* <Богом из машины (*лат.*)> русских комиков» [Shevurev, Rubini: 248].

По сути, Шевырев прямо повторял здесь не только Вяземского, но то, на чем настаивал сам Гоголь в «Театральном разезде...», — что русская пьеса «никак не может кончиться без правительства», что оно «непреренно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних», и что «в груди нашей заключена какая-то тайная вера в правительство» [Гоголь 2009–2019. 3/4: 444].

Шевырев, говоря позднее о наказании Чичикова во втором томе «Мертвых душ», тоже подчеркивал: «В лице генерал-губернатора российское правительство вновь появляется в качестве российского *Deus ex machina de'comici* <Бога из машины комиков (*лат., ит.*)>. Странная вещь! <Даже само> российское правительство не считает себя таким провидцем или восстановителем всех ошибок российского общества, как считают авторы комедий» [Shevurev, Rubini: 248].

Размышляя над героями «Мертвых душ», Гоголь писал: «Проходит страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление» [Гоголь 2009–2010. 5: 502]. Религиозно-пастырское обличение, мысль о трагизме праздной, издерживаемой на пустяки, на иллюзорные ценности жизни, — вместо осмысленного государственно-патриотического служения, — пронизывают все сатирические произведения Гоголя. Акцент в толковании гоголевской комедии следует делать, таким образом, в согласии с авторским замыслом, не на мнимом обличении самодержавной России и Николая I, а на образах его нерадивых подопечных, недобросовестных служащих, прежде всего Городничего, — на чиновниках-взяточниках, игроках и казнокрадах, — как противников Бога, царя и Отечества. Именно эти начала — Православие, Самодержавие, Народность — провозгласил в 1834 г., незадолго до создания «Ревизора», министр С. С. Уваров, с которым Гоголь вступил тогда в активное сотрудничество, напечатав в министерском журнале четыре статьи. Гоголь обличал не «государственную машину», т. е. «власти предержажщие» как таковые, но мошенников на должностных местах, шулеров — в прямом и переносном смысле. Согласно замыслу автора, герои «Ревизора», будучи «полудворянами-полуразночинцами», представляют собой настоящую «банду», подобную вороватой компании жуликов из другой гоголевской «комедии-трагедии» — упомянутых «Игроков» (см. подробнее: [Виноградов 2020]). Нерадивых чиновников, представших на встречу с Хлестаковым «в полном параде и мундирах», «на военную ногу», автор сравнивает в пьесе с боевым «эскадроном» [Гоголь 1841: 578, 581], а дача мошенниками взятки воображаемому, присланному от Государя ревизору, обставляется как военная кампания, взятие города организованной шайкой. После успешно врученного «подношения» судья Ляпкин-Тяпкин восклицает: «Город наш!» [Гоголь 1841: 587] (см.: [Виноградов 2021: 378]). Как «банду» игроков-мошенников Гоголь характеризует главных чиновников провинциального города не только в «Ревизоре», но и в «Мертвых душах» — в седьмой главе поэмы, где они призывают на свое совещание по поводу слухов о ревизоре Ноздрева: «Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; <...> но когда прочитал в записке городничего, что может случиться *пожива*, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 5: 201]. В качестве наглядного примера этой сквозной темы «Игроков», «Ревизора», «Мертвых душ»,

изображающих отступление подданных Государя от призвания и долга, уместо указать на значимую перекличку, прямое противопоставление, которое проводит Гоголь между образом казнокрада Городничего и личностью подлинно государственного служащего — «идеального» саванника и поэта Г. Р. Державина. В статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь напоминает следующие слова Державина, очерчивавшие его религиозно-патриотическое верное служение: «Хвались, хвались моя тем лира! <...> Как пел я трех царей» [Гоголь 2009–2010. 6: 42]. Державин «пел трех царей», а Городничий — «трех губернаторов обманул!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 299].

«...Правительство состоит из нас же, — писал Гоголь Белинскому, — мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство [сделалось <...>] огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Русских?..» [Гоголь 2009–2010. 14: 386]. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь также отмечал: «Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... <...> ...Правительство во все время действовало без устани. <...> А как было на это все ответственно снизу? <...> ...Наши тонкие плуты и взяточники, <...> умеют обойти всякий указ... <...> ...Везде, куда ни обращусь, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» [Гоголь 2009–2010. 6: 78–79].

О вине всех и каждого в неидеальном состоянии России Гоголь тоже открыто писал еще в «Театральном разъезде...»: «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 444].

Известный русский философ И. А. Ильин в лекции на немецком языке, прочитанной в военный 1944 г. в Цюрихе, говорил о «Ревизоре»:

«...Каким угрожающе пророческим для окружающих кажется перст судьбы в лице <...> *действительного* ревизора! Сам Гоголь называл это идеей национальной ответственности, идеей здорового правосознания или идеей *справедливой государственной власти*. <...> Из “Ревизора” вызывает русский народный дух к очищению своего правового сознания, — а о том, что этот зов не устарел и в наши дни (и в России, и в Европе), и говорить не стоит» [Ильин: 242]. — Не без остроумия Ильин добавлял: «...Идея такова: *Народы Европы! Совершенствуйте свое правовое сознание!*» [Ильин: 242].

5. Две «ревизии»

Таким образом, гоголевская апология смеха в «Театральном разъезде...» — слова о том, что единственным «честным, благородным лицом» в «Ревизоре» является смех, — представляет собой не просто сиюминутный «укол» автора в адрес рассерженных обличением зрителей. Размышления о роли смеха составляют самую основу замысла комедии, находят отражение в ее композиции. Правительственная ревизия, хотя, по ходу действия пьесы, с очевидностью профанируется (мнимым ревизором и обманщиками-чиновниками), однако в полной мере утверждается грозным ее финалом. При этом развернутая в целой пьесе «ревизия» «пошлого» общества смехом служит оздоровлению его столь же действенно, как реальная государственная ревизия, т. е. выступает явлением *однопорядковым* надзору верховной власти. Обе «ревизии» как бы сливаются в едином замысле «Ревизора». Именно на это Гоголь указал вскоре после премьеры его комедии в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.»: «Благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, недостойные слабости и привычки в слоях нашего общества и этим подаст от себя помощь и крылья его правдивому закону» [Гоголь 2009–2010. 7: 510]. Объединяющий две линии преследования порока «литературно-государственный» пафос нашел отражение и в самой судьбе «Ревизора»: пьеса была разрешена в 1836 г. к постановке и печатанию личным распоряжением Императора (сохранилось более десяти достоверных свидетельств на этот счет [Виноградов 2021: 338–341]).

Мысль о единстве в «Ревизоре» двух «ревизий» — литературной и государственной — Гоголь повторил затем в «Театральном разъезде...», представляющем апологию обличающего смеха. Отвечая недоброжелателям, он писал: «Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего. <...> Нет, не над законом здесь насмешка, но <...> над отступниками его» [Гоголь 1949: 387].

С надеждой получить «ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все благородные порывы», Гоголь создавал и «Мертвые души» (согласно строкам его письма к С. С. Уварову от конца февраля — начала марта 1842 г.) [Гоголь 2009–2010. 12: 21]. Назначение своей обличительной поэмы он видел в том, чтобы «яр-

костью собранных <...> пороков» «сама собою» рисовалась «в голове каждого» их «противоположность», — так, чтобы всем стало «доступно и ясно, чего требует» от них «высшее правительство» [Гоголь 1949: 388]. «Обоудоострую» деятельность писателя-сатирика Гоголь считал родственной правительственной деятельности — называя ее «продолжением той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского делает уже невольно ратником света» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» [Гоголь 2009–2010. 6: 187]).

Список литературы
Источники

- Андросов В. П.* Ревизор, комедия, в 5 действиях, соч. Н. Гоголя // Московский Наблюдатель. 1836. Май. Кн. 1. С. 120–131.
- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: <в 13 т.> М.: АН СССР, 1953. Т. 3. 683 с.; 1954. Т. 5. 863 с.; 1955. Т. 8. 728 с.; 1956. Т. 12. 596 с.
- <Боплан Г. Л., де> Описание Украины. Соч. Боплана. Перевод с французского. СПб.: В Тип. Карла Крайя, 1832. 178 с.
- Вяземский <П. А.>, князь.* О нашей старой комедии. (Из сочинения: Биографические и Литературные записки о Д. И. фон Визине // Альциона на 1833-й год, издаваемая Бароном Розеном. СПб.: В тип. Инспекторского Департамента Военного Министерства, 1833. С. 187–229.
- <Вяземский П. А., князь> В. «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник. 1836. Т. 2. С. 283–309.
- Вяземский <П. А.>, Князь.* Глава VIII. (Из биографических и литературных записок о Д. И. Фон-Визине) // Современник. 1837. Т. 5. С. 52–72.
- Вяземский П. А., князь.* Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91. С. 417–422.
- Гоголь <Н. В.>.* Новые сцены к комедии Ревизор // Москвитянин. 1841. Ч. II. № 4. С. 578–593.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1949. Т. 5 / тексты и коммент. подгот. М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский. 511 с.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17.
- Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 904 с.; 2012. Т. 2. 1032 с.; 2013. Т. 3. 1168 с.
- Ильин И. А.* Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. С. 240–276.
- <Котляревский Н. А.> Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русского повести и драмы Н. А. Котляревского. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. 439 с.
- <Масальский К. П.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 1–30.
- <Межевич В. С.> Л. Л. Отчет о Московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) (Окончание) // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб.: В тип. И. Глазунова и К^о, 1839. Т. 2. <Отд. пагинация>. С. 11–25.
- Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // <Некрасов И. С.> О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литерату-

ры. Две публичные лекции орд. проф. И. С. Некрасова. Одесса: Тип. «Одесского Вестника», 1887. С. 19–38.

<Хомяков А. С.> Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю А. Хомякова // Московский Литературный и Ученый Сборник. М.: В тип. Августа Семена, 1846. С. 145–198.

Шевырев С. Взгляд Русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841а. Ч. 1. № 1. С. 219–296.

Шевырев С. Парижские эскизы. Визит Бальзаку // Москвитянин. 1841б. Ч. 1. № 2. С. 357–383.

<Шевырев С. П.> С. III. К Г <оголю>. При поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рождения // Москвитянин. 1842а. № 1. С. 16–17.

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842б. № 8. С. 346–376.

Шевырев С. Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 274–298.

Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 1–29.

Шевырев С. Теория смешного, с применением к Русской комедии // Москвитянин. 1851а. № 1. Январь. Кн. 1. С. 106–120.

Шевырев С. Теория смешного с применением к Русской комедии. Статья II // Москвитянин. 1851б. № 3. Февраль. Кн. 1. С. 373–385.

Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1884. Т. 33. № 5. С. 1–280.

Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Тип. Г. Лисснера и Ю. Романа, 1896. Т. 4. 978 с.

<Shevyrev S., Rubini G.> Storia della letteratura Russa per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini. Firenze: Felice le Monnier, 1862. 346 p.

Исследования

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. 672 с.; 2018. Т. 4. 704 с.; Т. 5. 928 с.

Виноградов И. А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282>

Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8>

Виноградов И. А. Малороссия и Великороссия в сатире Н. В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 128–133. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-128-133>

Воропаев В. А. Окно в мир евангельских истин: стихия русской народной речи в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 108–120. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2013.374>

Коселев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 82–100.

References

Vinogradov, I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of N. V. Gogol's Life and Work (1809–1852). With Genealogical Chronicle (1405–1808). Scientific Publication: in 7 vols.], vol. 2, 4, 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. 672, 704, 928 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Posluzhnoi spisok Gorodnichego v ‘Revizore’. K kharakteristike politicheskikh vzgliadov N. V. Gogolia” [“The Mayor's Career in ‘The Government Inspector.’ On Nikolai Gogol's Political Views”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *N. V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo naslediiia* [N. V. Gogol and Censorship. The Relationship Between the Artist and the Authorities as a Key Problem of Gogol's Legacy]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 864 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Malorossiiia i Velikorossiiia v satire N. V. Gogolia” [“Little Russia and Great Russia in the satire of N. V. Gogol”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 26, no. 3, 2020, pp. 128–133. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-128-133> (In Russ.)

Voropaev, V. A. “Okno v mir evangel'skikh istin: stikhiia russkoi narodnoi rechi v poeme N. V. Gogolia ‘Mertvye dushi.’” [“Window into the World of Gospel Truths: The Element of Russian Folk Speech in N. V. Gogol's Poem ‘Dead Souls.’”] *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 11, 2013, pp. 108–120. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2013.374> (In Russ.)

Koshelev, V. A. “‘Mertvye dushi’ N. V. Gogolia v traktovke rannikh slavianofilov” [“‘Dead Souls’ by N. V. Gogol in the Interpretation of Early Slavophiles”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1976, pp. 82–100. (In Russ.)